

Ю. П. АНШАКОВ*

МИТРОПОЛИТ ПЕТР I ПЕТРОВИЧ-НЕГОШ И СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕРНОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Среди политических деятелей, внесших вклад в становление государственности в Черногории, выдающуюся роль сыграл митрополит Петр I Петрович-Негош (1747-1830). Продолжая дело своих предшественников – митрополитов Данилы, Василия Петровича, а также светского правителя Черногории Степана Малого – Петр I Петрович-Негош, насколько это было возможно в тяжелейших внутренних и внешних условиях Черногории, претворял в жизнь прогрессивные идеи, направленные на централизацию власти, борьбу с анархией и самоуправством, упорядочение жизни черногорского общества.

Первые опыты приобщения Петра I Петровича-Негоша к государственным делам относятся к 60-70-м годам, и связаны они с его участием в миссии Василия Петровича в Россию в 1766 г. и поездкой в Петербург в 1778 г. в составе делегации, возглавляемой губернатором Й. Радоничем. В первом случае удалось получить учрежденную еще царем Петром I субсидию Цетинскому монастырю. Но из-за гнева Екатерины II на черногорцев, принявших выдававшего себя за императора Петра III Степана Малого (1767-1773) второй визит черногорской делегации закончился безрезультатно. Когда же в 1785 г. ставший уже митрополитом Петр I Петрович-Негош прибыл в Петербург по государственным делам, он, по инициативе всеильного князя Г. А. Потемкина, был выслан из России, не добившись каких-либо официальных встреч и переговоров.

Однако эти первые неудачи не оторгли Петра I от России, в которой он видел великую православную державу, способную оказать помощь его родине как при решении задач освободительной борьбы, так и в деле государственного устройства Черногории. В свою очередь, русское правительство, в политике которого с конца XVIII в. Восточный вопрос и противостояние с наполеоновской Францией занимали важнейшее место, начало проявлять повышенный интерес к Черногории в силу ее выгодного геогра-

---

* Доктор Ю. П. Аншаков, профессор университета, Самара, Руссия.

фического положения на Балканах, фактической независимости¹ и влияния на соседние православные народы. Заинтересованность в черногорцах в качестве возможных военных союзников привела к тому, что в Петербурге стали с большим вниманием относиться к просьбам руководства Черногории, связанным в том числе и с государственными нуждами.

В югославской историографии существуют различные точки зрения на процессы, связанные с обретением Черногорией государственности – от констатации того, что Черногорское государство никогда не прекращало своего существования и в XIX в. являлось естественным продолжением средневекового государства Црноевичей, до мнения, что в Черногории существовали классические родоплеменные отношения, и что она обрела государственность во второй половине XIX в. Промежуточным вариантом являются суждения, относящие начало образования государственной организации в Черногории к концу XVIII века.²

На наш взгляд, Черногория, даже находясь под турецкой властью, в значительной мере сумела сохранить, хотя и в изменившейся форме, собственную (национальную) государственность. Этому способствовало наличие широкой автономии и слабое вмешательство Порты во внутренние дела страны, решавшиеся народным собранием (збором) и старейшинской верхушкой. Племенная организация, лежавшая в основе государства, имела мало общего с племенами, существовавшими в эпоху первобытнообщинного строя. Черногорское племя являлось административно-территориальной единицей, подобием сербской кнежины. Оно отличалось от классического родового отсутствием коллективного труда всех членов племени, наличием социального и имущественного расслоения. Основу союза черногорских племен составляло не кровное родство, что является специфической чертой доклассового общества, а общность территории – один из кри-

---

¹ Черногория в XVI-XVII веках находилась под властью Османской империи, но пользовалась широкой автономией и сумела сохранить себя как политическое целое, хотя и на очень урезанной территории. В Черногории, считавшейся султанским хасом, не было владений турецких феодалов. Не удалось Порте утвердить в ней османскую административную и судебную системы. Единственный признак вассальной зависимости от Османской империи в XVIII веке – это нерегулярная выплата харача, собираемого зачастую при помощи карательных экспедиций (нередко неудачных). При этом сам харач скорее следует рассматривать как вынужденный откуп, нежели дань. Однако Порта считала Черногорию составной частью империи, поэтому черногорцам постоянно приходилось быть начеку на случай возможного вторжения османских войск.

² См. об этом: Петковић Б., *Прилог питању турске власти над Црном Гором у XVII веку* // Историјски записи. 1959. Књ. XV. Св. 2; Чубриловић В.: *Терминологија племенско друштва у Црној Гори*. Београд, 1959; Vučević D.: *Specifičnosti razvika crnogorske države* // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1973. Br. 1-2; Павићевић Б. *Стварање црногорске државе*. Београд, 1955.

териев наличия государственной организации. Мы считаем период от начала XVI в. до конца XVII в. периодом политической раздробленности, а длительный промежуток от начала XVIII в. до второй половины XIX века включительно временем создания в Черногории централизованного государства. В этих хронологических рамках рассматриваемый период заслуживает особого внимания, поскольку с конца XVIII в. процесс централизации государственной системы Черногории приобретает более совершенные формы в организации власти и законодательства, становится заметно интенсивнее, нежели ранее. Завершился он принятием в 1855 г. Законника князя Данилы и окончательным подавлением сепаратизма (1856 г.).

В сложном и длительном процессе формирования централизованного государства долгое время ведущая роль принадлежала православной церкви и ее владыкам, а затем светскому правителю Черногории – князю Даниле. Цетинским митрополитам противостояло такое политическое течение, как губернаторство (гувернадурство), также заинтересованное в уничтожении межплеменной анархии и совершенствовании государственного устройства. Однако при этом губернаторы из семейства Радоничей ориентировались большей частью на Австрию, что не могло иметь внушительной поддержки среди православного населения Черногории, хотя в стране, в приграничных областях, существовали протурецки и проавстрийски настроенные элементы.

Православная религия в Черногории способствовала на протяжении веков поддержанию и развитию народного самосознания, что было чрезвычайно важным в условиях антитурецкой борьбы. Отдельные попытки распространить в среде черногорцев ислам и католицизм со стороны православной церкви и ее иерархов встречали решительный отпор, черногорцы твердо держались веры своих предков. Православие служило важнейшим символом народного единения и освободительной борьбы черногорцев. Это идеологическое оружие успешно использовалось Цетинской митрополией и ее владыками. В конечном итоге православие и свобода слились для черногорцев в единое целое. Это выкристаллизовалось и в кличе черногорцев, с которым они шли в бой – „За честный крест и свободу золотую”.

Время нахождения у власти митрополита Петра I Петровича-Негоша (1784-1830) было насыщено не только важнейшими внешнеполитическими событиями, но и большой созидательной деятельностью, направленной на создание основ централизованной государственной организации в Черногории, модернизации государственного устройства страны. Внутренняя жизнь Черногории на протяжении XVIII в. представляла собой цепь почти непрерывных междоусобиц. Вражда внутри племен соседствовала с межплеменной: „Племена катун бились с племенами Реки и Цермницы, пиперы воевали с белопавлічами, а белопавлічи в то же время с катуњянами; морачане с ровчанами, которые опять же бились с белопавлічами и пипе-

рами...” – писал Ровинский.³ Кровная месть унесла в Черногории, возможно, больше людей, чем их пало в борьбе с турками, полагал югославский историк Р. Драгичевич.⁴ Постепенно становилось очевидным, что для успешного сопротивления османскому натиску необходима консолидация всех внутренних сил страны. Только она могла ликвидировать межплеменную вражду, ускорить создание более совершенного экономического базиса для развития государства, отвечавшего интересам как старейшинского слоя, так и большинства народонаселения.

Можно считать, что, как и у ряда других европейских народов, внешняя опасность явилась для черногорцев важным стимулом политического сплочения общества и создания общегосударственной централизованной системы управления.

В 80-90-е годы XVIII в. Черногория вела борьбу против самого, пожалуй, опасного врага, когда-либо ей угрожавшего до этого – шkodринского паши Махмуда Бушати. В 1785 г. Бушати предпринял военный поход против Черногории. Его войска продвинулись вглубь Черногории, захватили Цетинье и сожгли монастырь. Петр I застал разоренную Цетинскую обитель, опустошенную вражеским набегом страну. На состоявшемся вскоре Общечерногорском зборе Петр, обращаясь к черногорцам, с гневом говорил: „Ваши споры, ваша вражда, ваша зависть и ненависть, ваше самолюбие и мщение погубили вас. Посмотрите: всюду разорение, сожженные дома, церкви и монастыри – древние памятники ваших славных предков”.⁵ Поражение 1785 г. подорвало и без того слабое единство среди черногорцев, но вместе с тем показало, что только общими усилиями, объединив все племена и нахии, можно избавиться от столь грозного врага. Однако для воплощения этих замыслов потребовалось время и большие усилия. В двух последовавших подряд сражениях при Мартиничах и Крусах (1796 г.) войска Махмуда Бушати были разбиты объединенными отрядами черногорцев и брдян, а сам Бушати был убит в бою. В результате этих побед территория Черногории увеличилась за счет присоединения к ней части брдских племен, что было крайне важно для страны с крайне ограниченными земельными, людскими и материальными ресурсами. Это понимали и в российских дипломатических кругах. На жизненную необходимость объединения Черногории и Брды указывал консул в Далмации А. Паладоклис.⁶

³ Ровинский П.: *Черногория в ее прошлом и настоящем*. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т.1. С. 634.

⁴ Драгићевич Р.: *Митрополит Петар I и мирње крвне освете* // Записи. 1935. Књ. XIV. Св. 7. С. 260.

⁵ Попович Л.: *Черногорский владыка Петр I*. Киев, 1897. С. 99.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией. 1792-1799. Д. 24. Л. 84 об. – 85.

Попутно заметим, что общепринятое в югославской, советской и современной российской историографии мнение о том, что именно 1796 г. является рубежом фактической независимости Черногории от Турции, невольно игнорирует тот факт, что в сражениях 1796 г. были разбиты не турецкие, а североалбанские войска Махмуда Бушати, который действительно мог завоевать Черногорию, но сам он практически не подчинился Порте, был злейшим ее врагом. Поэтому в Стамбуле с большой радостью восприняли известие о том, что черногорцы избавили Порту „от самого беспокойного неприятеля, угрожавшего самим устоям Османской империи”.⁷ В собственно черногорско-турецких отношениях победа над Махмудом Бушати ровным счетом ничего не меняла, разве что на какое-то время вызвала у турок чувство благодарности и симпатии к черногорцам, хотя и весьма кратковременное. Порта по-прежнему, не смотря на реальное положение дел, считала Черногорию составной частью Османской империи.

В результате успешных военных действий удалось достичь временного затишья на рубежах Черногории, что позволило Петру I приступить к решению внутренних проблем страны, связанных с законотворческой деятельностью и созданием органов центральной власти.

Важным шагом, повлиявшим на процесс формирования Черногорского государства, являлось принятие Законника общего черногорского и брдского (известного в югославской исторической и правовой науке как Законник Петра I, владыки черногорского), который утвердила 18 октября 1798 г. скупщина в Станевичах. Тогда же было сформировано Правительство суда черногорского и брдского, или Кулук – общечерногорский орган власти. Сведений о его составе не сохранилось, но имеются данные о следующем правительстве и суде, которое было реорганизовано из предыдущего в сентябре 1799 г. и включало 50 чиновников из числа старейшин.⁸ Заметим, что для обществ со слабым развитием феодализма свойственна неотделенность суда от администрации, отсутствие специальных органов, то есть те органы и должностные лица, которые осуществляют законодательную власть и управление, в то же мере выполняют и судебные функции. Правительство суда черногорского и брдского было институтом центральной власти, но еще слабой и недостаточно концентрированной.

Законник общий черногорский и брдский включал 16 статей, а позже, в 1803 г., был дополнен еще 17 статьями и насчитывал всего 33 статьи. Законник базировался на нормах обычного права, некоторые исследователи

---

⁷ См. об этом реляцию В. Кочубея Екатерине II от 15/26 октября 1796 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией, 1796 г. Оп. 89/8. Д. 833. Л. 15-15об.

⁸ Павићевић Б.: *Стварње црногорске државе*. Београд, 1955. С. 110-112.

прослеживают в нем византийское влияние.⁹ Его автором был Петр I Петрович-Негош.¹⁰

Цель основной статьи Законника – разрушение остатков родоплеменных обычаев, пресечение кровной мести. „Если черногорец убьет брата своего черногорца или брдянина без всякой вины, то он подвергается смертной казни” (ст. 2). Отсюда проистекает начало, противное ранее существовавшему родоплеменному обычаю, дававшему убийце возможность откупиться. Если преступник, повинный в кровной мести, скрывался за пределами Черногории и не мог быть пойман, то его имущество подлежало конфискации, часть – в пользу семьи погибшего, другая – в государственную казну (ст. 3). Поймавший убийцу мог убить его, и за это не нес ответственности перед законом (ст. 5).

Власти понимали, что архаичные представления о чести и морали, глубоко укоренившиеся в сознании черногорцев, будут мешать отправлению правосудия. Эту возможность должна была пресечь статья Законника, по которой укрыватель убийцы „подлежал одинаковому с ним наказанию”, т. е. смертной казни. По-иному трактовалось неумышленное убийство и убийство в целях обороны (ст. 10). За такое преступление полагалось менее суровое наказание. В судебных материалах содержится дело, по которому за убийство в целях обороны был взыскан крупный денежный штраф.¹¹ За нанесение раны во время ссоры на виновного накладывался денежный штраф.

Защита интересов в первую очередь зажиточной части населения, выражавшаяся в охране частной собственности, предопределила суровость мер, направленных на пресечение грабежей и воровства (ст. 13, 14, 16, 17). Необходимо учитывать, что эти законы вводились в стране, где такое преступление, как угон чужого скота, считалось своеобразным героическим поступком, проявлением „юначества”. Не нес уголовного наказания и человек, убивший или ранивший вора, застав его на месте преступления (ст. 13). Аналогичная статья содержится в „Русской Правде”.¹² Здесь подтверждается правило, установленное обычаем, – право убить вора на месте преступления, которое встречается в законодательстве обществ, находящихся на раннеклассовой стадии развития.

Купля-продажа недвижимого имущества предоставляла преимущественное право на покупку родственникам и ближайшим соседям владельца (ст. 15). Заметим, что право покупки недвижимой собственности (племе-

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ См. текст Законника в кн.: Петар I Петровић: *Фреске на камену*. Титоград, 1965. С. 475-494.

¹¹ *Црногорске исправе XVI-XIX вијека* (Уредили Т. Никчевић и Б. Павићевић). Це-тиње, 1964. Док. 137.

¹² *Памятники русского права*. Выпуск первый. М., 1952. С. 80.

нщины) закреплялось и Полицким статутом, но распространялось только на близких родственников, которые обладали правом выкупа племенщины.¹³ Черногорский Законник не содержал подобной оговорки, однако на практике суд предоставлял такую возможность, руководствуясь уже нормами обычного права.

В Законнике имелась статья, которая должна была способствовать улучшению условий торговой деятельности, в чем был особенно заинтересован старейшинский слой: беспорядки на базаре приравнились по силе вины к беспорядкам в церкви (ст. 19). Не были обойдены и международно-правовые отношения, касающиеся, в частности, австрийского Приморья. Черногорцы обязывались „держать с приморцами добрососедский мир и тишину, какая приносит обеим сторонам взаимную пользу” (ст. 18). В последующих статьях упорядочивалась система судопроизводства, предусматривались тяжкие наказания судьям за взятки и злоупотребления, причем наказанию подлежал и взяткодатель. Закон предписывал каждому черногорцу и брдянину „подчиняться, уважать и любить судей ими же выбранных” (ст. 26). Менее значительные гражданские дела должны были решаться местными судьями. Тенденция к формированию местных судов относится к началу XIX в. Они не представляли собой стабильные учреждения, периодически распадались и возникали вновь. Правительство и сам Петр I наказывали судей за следование патриархальным обычаям в судебной практике. Однако если встречались дела, не подпадавшие под действие норм Законника, судьи могли рассматривать их и выносить приговор по „обычаям и по своей совести”.

Для того, чтобы государственные органы могли функционировать, необходимо было их финансировать. На содержание Правительства и суда шли суммы из денег, попадавших в казну в качестве штрафов (глоба). Но главным источником финансирования были субсидии России, рассматриваемые митрополитом как необходимое средство для поддержания государственных учреждений в Черногории. В сентябре 1799 г. он сообщал в Петербург: „Определяемая в ежегодное течение по 1.000 червонцев сумма денег имеет быть здесь употребляема во общую пользу для содержания в судах достойно определенных старшин”.¹⁴ Причем, наряду с денежными суммами, получаемыми непосредственно от русского правительства, существовала еще такая форма дотации, как денежные пожертвования Цетинскому монастырю русским Синодом (500 р. каждые три года). Однако необходимо было найти свой постоянный источник содержания аппарата власти, и Законником впервые вводится налог с каждого дома. Необходимость

---

¹³ Греков Б. Д. Полица: опыт изучения общественных отношений в Полице XV – XVII вв. М., 1951. С. 238.

¹⁴ Петр I Негош – Н. Черноевичу-Давидовичу (Чирковичу), 10/22 сент. 1799 г. //АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1799-1800. Д. 31. Л. 7.

этой меры обосновывалась Петром I очень ярко и убедительно: „Ни один народ не может быть уважаемым и счастливым, не имея законного суда и хорошего правительства, а ни одно правительство без помощи народа существовать не может. Поэтому все народы на свете ежегодно платят общий налог, сколько в каком месте и государстве установлено, платят его не для других, а для самих себя, чтобы на эти деньги содержать правительство, суды и войска, которые их будут защищать от нападения неприятелей и охранять от всякого злого и дурного человека, чтобы народ мог мирно и без всякого страха заниматься своим делом и жить спокойно и мирно. А это и нам очень нужно, и потому постановляет, чтобы всякий дом платил ежегодный налог в 60 динаров” (статья 20).

Не все статьи Законника сразу и легко были введены в жизнь. Например, во времена Петра I так и не был налажен регулярный сбор упомянутого выше налога, но не вызывает сомнения весьма широкое применение Законника в судебной практике первых десятилетий XIX в.

Некоторые историки XIX в. представляли митрополита Петра I как смиренного духовного пастыря, который, видя зло, царящее вокруг, лишь потечески увещевал враждующих. Безусловно, Петра I в борьбе за искоренение беззаконий использовал свой авторитет главы церкви, но в случае необходимости возглавляемое им Правительство суда черногорского и брдского не останавливались и перед наказаниями, вплоть до смертной казни. В октябре 1803 г. митрополит извещал русского консула в Дубровнике К. К. Фонтана о том, что вследствие издания закона и по настоянию судей схвачены совершившие разные преступления черногорцы, их дела расследованы и рассмотрены, по закону некоторые из них осуждены. Сообщалось о приведении в исполнение смертной казни и других наказаний, в том числе денежными штрафами в пользу „обиженных”.¹⁵ Через год русский консул в Которе А. О. Мазуревский получил от митрополита письмо, в котором говорилось об аресте нескольких черногорцев и подчеркивалось, что с виновными поступят „по строгости на сей случай изданных законов”.¹⁶ Смертные приговоры за кровную месть выносились неоднократно, что иногда удерживало от мести родственникам убийцы. В 1815 г. священник Н. Калуджерович, который „пошел с Кулуком” по стране, вынес около 1500 судебных приговоров.¹⁷

Появление такого юридического кодекса, как Законник общий черногорский и брдский, объясняется глубокими социально-экономическими процессами, происходившими в черногорских землях в конце XVIII – нача-

¹⁵ Црногорске исправе... Док. 126.

¹⁶ Петр I Негош – А. О. Мазуревскому 22 июня/3 июля 1804 г. // АВПРИ. Ф. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4. П. 4. Л. 68-69.

¹⁷ Пејовић Б.: *Црна Гора у доба Петра I и Петра II*. Београд, 1981. С.56.

ле XIX в., когда примитивные формы жизни тормозили становление государственных институтов, вступали в противоречие с интересами старейшинского слоя, выделявшегося в господствующую социальную группу. Законник привел к определенной централизации власти. Благодаря мерам, направленным на пресечение кровной мести, охрану частной собственности и упорядочение торговли, он сыграл положительную роль в формировании основ государственной организации и соответствующего потребностям времени правопорядка. Подтверждением тому является включение этого юридического документа в свод законов первого светского правителя Черногории князя Данилы в 1855 г.

Митрополит Петр I и его окружение, проводя последовательно политику централизации власти, создания более совершенного государственного устройства Черногории, стремились опереться на помощь России в этом процессе, что неоднократно отмечалось исследователями.

Еще до принятия Законника на состоявшейся 19/31 мая 1798 г. в Цетиные скупщине был принят проект государственного устройства Черногории, а в июле этого же года он был доставлен в Петербург черногорским посланником архимандритом С. Вукотичем. Проект содержал основные мысли Петра I Петровича-Негоша и правящего слоя страны на пути становления черногорского общества и государства.¹⁸

Согласно ст. 1 проекта, высшая власть в Черногории должна принадлежать народной скупщине, она выражает суверенитет народа, в ее функции входит принятие „новых законов”; выбор митрополита, губернатора, сердаров, воевод. Скупщина утверждает налоги и определяет, „какого рода они будут”, принимает грамоты от русского императора. В случае объявления войны Россией какому-либо государству черногорцы обязывались на стороне России участвовать в войне.

---

¹⁸ См. текст документа в кн.: Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његова доба. Цетиње, 1951. С. 74 – 76 и др. Кроме этого документа И. Вукотич представил в Коллегию иностранных дел еще прошение, в котором перечислялись заслуги черногорцев перед Россией, содержалась просьба о протекции русского двора Черногории и выражалась надежда, что Павел I будет способствовать проведению государственных преобразований в стране. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 379 – 382. И. С. Достян полагает, что Д. Вуксан, впервые опубликовавший это прошение в адрес „царя” (без указания его имени), ошибается, относя документ к 1798 г. И. С. Достян считает, что Вуксан имел в своем распоряжении недатированный отрывок из более позднего прошения черногорцев к Александру I, относящегося к 1805 г., который по содержанию текста совпадает с частью прошения, направленного через С. А. Санковского в Петербург в 1805 г. См. об этом: Достян И. С. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. С. 28.

Для того, чтобы „весь народ участвовал в осуществлении верховной власти”, правительство учреждает определенное число представителей на скупщине от каждой нахии. Все нахии должны иметь представителей на скупщине, лишь в этом случае скупщина „будет выражать волю всего народа” (ст. 2). Кроме того, проект предусматривал учреждение состоящего из сенаторов правительства, возглавляемого митрополитом и губернатором, которые объявлялись президентами (председателями) правительства. Правительство обязывалось исполнять законы, утвержденные народом и „высоким покровителем”, т. е. русским царем. Оно также обладало правом вносить на рассмотрение законопроекты, но они вступали в силу лишь после их обсуждения скупщиной.

Русское правительство, учитывая военно-стратегическое значение Черногории, было заинтересовано в поддержании единства черногорских племен, укреплении власти митрополита. В грамоте от 11 января 1799 г. черногорскому народу, отправленной с Вукотичем, при упоминании о выделении в помощь Черногории денежных средств в размере 1 тыс. червонных (3 тысячи рублей) золотом ежегодно подчеркивалось, что они „обращены будут на общенародные надобности и наипаче на всякие полезные заведения, кои, утверждая в народе христианские добродетели и доставляя оному просвещение, споспешествовать будут неминуемо благосостоянию земли”.¹⁹ По признанию Петра I, без этой помощи черногорское правительство вряд ли могло бы существовать.²⁰

Доставленный С. Вукотичем в Петербург проект государственного устройства имел республиканскую направленность. Он был призван модернизировать черногорское общество, совершенствовать аппарат по управлению страной. Полагаем, что в Черногории XVIII и первой половины XIX века, вплоть до провозглашения ее княжеством в 1852 г., происходило постепенное формирование института монархии. До этого по ряду объективных, в том числе и формальных признаков в Черногорском государстве долгое время существовала республиканская форма правления. По сути дела, проект 1798 г., как и последующие проекты конституционного устройства Черногории, разработанные в 1805 г. при содействии русских представителей М. К. Ивелича и С. А. Санковского,²¹ о которых речь пойдет далее,

¹⁹ *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.* Документы. М., 1984. С. 385-386.

²⁰ Бажова А. П.: *Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в.*, М., 1982. С. 114.

²¹ См. об этом: Достян И. С. Проблемы государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX века // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. IV. С. 5-39; Хитрова Н. И.: *Из истории русско-черно-*

во многом фиксировали ту форму правления, которая уже существовала в Черногории, лишь совершенствуя и приспособлявая ее, хотя бы частично, к условиям Европы нового времени.

Органом высшей власти в Черногории издавна являлся Общечерногорский збор, а затем скупщина, которая во второй половине XVIII в. являлась собранием народных старейшин – представителей различных нахий и племен. В компетенцию скупщины входило разрешение всех наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешних сношений. Именно этот государственный орган по предложению старейшин утверждал митрополитов и губернаторов, а также кандидатуры местных высших властей (сердары, воеводы, власть которых фактически являлась наследственной), а с конца XVIII в. – правительство, и выполнял законодательные функции. Созывались скупщины и на местах (в племенах, нахиях) для разрешения различных вопросов местной жизни; сердары, воеводы и кнезы выступали здесь как судьи, исходя в своих решениях из норм обычного права а позже и письменного законодательства. Все это свидетельствует о наличии в Черногории хотя и весьма слабой государственной организации и аппарата принуждения, тесно переплетавшихся с патриархальными обычаями. С. А. Санковский, выполнявший в Черногории и Которской области в 1805 – 1807 гг. различные поручения русского правительства, отмечал в донесении в МИД, что черногорский народ, собранный на „генеральный сейм...“, заступает лицо и имеет власть государя”, и все распоряжения каких-либо иных органов правления считаются недействительными, „если оный народ их не утвердит; равно как без его согласия не могут существовать и быть постановлены законы; без его ведомства не можно также иметь с чужестранными дворами сношения, и от его решения зависит, начать войну или сделать мир”.²²

Народная скупщина тотчас после утверждения митрополита и губернатора объявляла их „верховными начальниками над всем черногорским и бердским народом”, т. е. вручала им высшую исполнительную власть в стране. При этом все же верховная духовная и светская исполнительная власть постепенно сосредотачивалась в руках митрополитов, а губернаторы выступали как второе правящее лицо. Так, долгая борьба за политическое первенство между губернатором Й. Радоничем и Петром I завершилась в конечном итоге победой митрополита. В марте 1798 г. митрополит информировал константинопольского архиепископа Григория о том, что Ра-

горских отношений в начале XIX в. // Югословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804-1813. г. Београд, 1983. С. 323 – 324.

²² Достян И. С. *Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского.* // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 298.

донич „между нами почтенен именем, а не властью”.²³ Одновременно следует заметить, что власть Петра I, если она касалась внутривластных проблем, зачастую не признавалась старейшинами, и они на деле руководствовались племенными обычаями и решениями местных народных собраний, а не указаниями митрополита. Полностью, к тому же не сразу, светскую власть сумеет сосредоточить в своих руках лишь Петр II Петрович-Негош (1830-1851), хотя на отдельных этапах, обычно связанных с серьезной военной угрозой, это удавалось и его предшественникам.

Государственный строй Черногории во время правления митрополитов, при котором высшие органы власти были избираемы народными представителями на Общечерногорском зборе или скупщине и были в значительной степени подотчетны народному собранию, можно определить, по нашему мнению, как республиканский. Республикой Черногорию считали некоторые современники описываемых событий, а также известные ученые и исследователи XIX в. Так, С. И. Мазарович, уроженец Пераста, несколько лет проведенный в Черногории, а в дальнейшем служивший в российском МИДе, отмечал в 1808 г., что „это маленькое государство” является республикой, притом в высокой степени демократичной.²⁴ К этому присоединяется участник экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море В. Б. Броневский, писавший о Черногории как о республике „в полном смысле слова”.²⁵ Профессор Дерптского университета, специалист по русскому и славянскому праву А. М. фон Рейц, посетивший Черногорию в 1832 г., также считал, что пять нахий Черногории и Брды образуют республику.²⁶ Аналогичных взглядов придерживался исследователь быта и нравов черногорцев, знаток черногорского законодательства А. Н. Попов, известный английский этнограф Г. Вилкинсон, посетивший Черногорию с научной целью в 1844 г., историк-славист А. И. Александров, также профессионально занимавшийся историей Черногории.²⁷

²³ АВПРИ. Ф.: *Сношения России с Черногорией*. 1792-1799. Д. 24. Л. 17.

²⁴ *Црногорско-руски односи. 1711-1918*. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори до средине XIX вијека. Подгорица. М., 1992. С. 147.

²⁵ Броневский В. Б.: *Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810гг.* СПб., 1836. Ч. 1. С. 192.

²⁶ Рейц А. М.: *Слободне земаљске общине Црне Горе (Монтенегро). Прилог упознавању јужно-словенскога племена. Црна Гора. Положај и устав.* // Миловић Ј. М.: *Петар II Петровић Његош у свом времену*. Титоград, 1984. С. 78.

²⁷ Попов А.: *Путешествие в Черногорию*. СПб., 1847. С. 138; Дурковић-Јакшић Љ.: *Енглези о Његошу и Црној Гори*. Титоград, 1963. С. 188-189; Александров А. И.: *„Нова Кола” од Николае I* // Ученые записки императорского Казанского университета. 1897. Кн. 3. Раздел критика и библиография. С. 8-26.

Кроме уже упомянутых конституционных проектов 1798 и 1805 гг. были и другие обращения со стороны черногорского руководства к иностранным державам с просьбой о покровительстве. В них за Черногорией предполагалось закрепить республиканскую форму правления. Так, в 1813 году Петр I обратился к командованию английского флота (англичане совместно с черногорцами тогда освободили Боку Которскую от французской оккупации) с обращением, где среди прочего содержалась просьба и о признании государственного образования (Черногория, Бока Которская и Конавли) за „малую республику” под покровительством Великобритании и России.²⁸ Думается, что митрополит тем самым желал подтверждения такой формы государственного правления, которая была присуща черногорскому обществу, и не замыслил какого-либо радикального изменения государственного устройства. Следует также заметить, что другой митрополит – Василий Петрович – в 1753 году в письме к канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину прямо указывал, что после прекращения правления династии Црноевичей (правителей средневековой Зеты) Черногория стала „республикой под владением своего митрополита”, оставаясь таковой и в дальнейшем.²⁹ Полагаем, что такой высокообразованный политический и религиозный деятель, все же знал форму государственного устройства того общества, в котором он жил и в котором играл руководящую роль.

В ходе политического противостояния Петра I Петровича-Негоша и губернатора Й. Радоница сентябрьская скупщина 1797 г. представителей 3 нахий (Риечской, Лешанской и Црмницкой) признала Петра I „начальником и покровителем” черногорского народа.³⁰ Однако это не означало, что черногорский митрополит был правителем монархического типа. В письме к обер-прокурору Синода князю А. Н. Голицину он отмечал, что черногорцы считают владык лишь „ходатаями своими и миротворцами” и повиновались им только в случае крайнего обострения внешнеполитической ситуации, когда возникала реальная угроза независимости страны.³¹ В 1799 г., когда в Черногории узнали об очередных происках авантюриста Дмитрия Вуича, замышлявшего стать светским правителем Черногории, скупщина приняла постановление, согласно которому Вуичу запрещалось вмешательство во внутренние дела страны и подчеркивалось, что

---

²⁸ Ровинский П. А.: *Черногория...* Т. I. С. 631; Лекић Д.: *Спољна политика Петра I Петровића Његоша*. Цетиње, 1950. С. 270.

²⁹ *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.* Документы. М., 1984. С. 185.

³⁰ Павићевић Б.: *Стварање...* С. 106.

³¹ Петр I Негош – А. Н. Голицину, 26 июня /8 июля 1824 г. // АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1824 г. Д. 681. Л. 7-7 об.; Миловић Ј. М.: *Петар I Петровић Његош. Писма и друга документи 1821-1830*. Књ. 2. Титоград, 1988. С. 696.

Черногория желает сохранить существовавшую до сих пор форму правления без „господаря”.³²

Вместе с тем, следует признать, что наследование по завещанию митрополичьего престола долгое время в роду Петровичей-Негошей безусловно способствовало формированию монархических тенденций в Черногории. Однако сами митрополиты не персонифицировали себя с правителями-монархами и в дипломатической переписке, а также в письмах и грамотах, предназначенных для внутреннего употребления, по большей части подписывались так: „смиранный митрополит черногорский”, „покорнейший слуга и богомолец митрополит Петр Петрович Негош”, „владыка” и т. п.³³ Присвоенный митрополитом Саввой (1735-1781) титул „повелителя Черногории” не признавался черногорцами, заявлявшими, что они его „только за архиерея почитать должны”.³⁴ Екатерина II, поднимая в 1788 г. черногорцев на совместную антитурецкую борьбу, именует их „гражданами”, а не подданными, ставя в грамоте митрополита в общий ряд лиц, воплощавших власть в Черногории, основанной на республиканских началах.³⁵ Также и в ответе черногорского правительства М. К. Ивеличу (июнь 1804 г.) Петру I отводится в черногорском обществе статус „гражданина между нами почтеннейшего...”,³⁶ но никак не правителя монархического типа.

Петр I, как и некоторые другие владыки из рода Петровичей-Негошей, на отдельных этапах пребывания на митрополичьем престоле сумел сконцентрировать в своих руках значительную государственную власть (возглавлял военные силы, председательствовал в высшем суде, когда решались проблемы общегосударственного значения, предпринимал самостоятельно некоторые внешнеполитические акции и в целом во многом определял внешнюю политику Черногории и т. п.). Эти важные рычаги государственной власти, которыми в большей или меньшей степени, в зависимости от обстоятельств, обладал Петр I, его авторитет как церковного владыки – все это способствовало формированию в народном сознании представления о нем, как о „господаре” Черногории. Можно сказать, что при нем продолжалось постепенное формирование института монархической вла-

---

³² Пејовић Ђ. Д.: *Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развика*. Београд, 1981. С. 72.

³³ *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.* Документы. М., 1984. С. 59, 186, 379, 393 и др.

³⁴ *Црногорско-руски односи...* С. 62.

³⁵ *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.* Документы. М., 1984. С. 339.

³⁶ *Черногорское правительство* – М. К. Ивеличу, 3/15 июня 1804 г. // АВПРИ. Ф. ГА. I-7. 1803–1809 гг. Д.4. П.4. Л. 56 об.

сти в Черногории, но все же сам Петр I являлся первым лицом в государстве республиканской формы устройства.

Когда мы утверждаем, что Черногория вплоть до провозглашения ее княжеством была республикой, то следует определить тип республиканского устройства. Разумеется, республика в Черногории не являлась буржуазно-демократической. Не была Черногория при Петре I Петровиче-Негоше и „раннебуржуазным государством”, как полагают некоторые югославские историки государства и права.³⁷ Можно говорить с известной осторожностью об отдельных элементах раннебуржуазных отношений, проявивших себя в 30-е годы и приобретших более явственные очертания во второй половине XIX в., но никак не при Петре I, и, тем более, в якобы уже сформировавшемся раннебуржуазном государстве.

По нашему мнению, республиканский строй Черногории в определенной степени был сродни той форме республиканского устройства, которая появилась в античной Греции например, в Спарте (со Спартой сравнивал Черногорию и В. Б. Броневский), т. е. был примитивным и архаичным. Кроме прочего, Спарту и Черногорию сближало и то обстоятельство, что оба эти государства в значительной мере были изолированы от внешнего мира и представляли собой военизированные общества, поскольку военный характер был присущ спартанской общине, а черногорское племя являлось не только административно-территориальной единицей, но и военно-политическим объединением. Следует также отметить, что республиканской Спарте, находившейся, как и Черногория, на раннеклассовом этапе общественного развития, были присущи значительные остатки родового строя, черты которого сохранялись и в Черногории. Причем, если для Спарты (как, впрочем, и других античных республик) это было естественное состояние общества, совершившего переход от родового строя к государству, то для Черногории родоплеменные черты общественной жизни и политического строя являлись в большей мере следствием других причин. На их реанимацию в свое время повлияло османское завоевание и исторически сложившаяся затем изолированность страны, ставшая причиной регресса общественной и хозяйственной жизни. Однако оживление патриархального уклада не привело к утрате черногорцами государственности.³⁸

³⁷ *Историја на државите и правата на југословенските народи*. Београд, 1972. С. 371; *Историја држава и права југословенских народа*. Београд, 1978. С. 335; *В југославској историографији против концепције о раннебуржуазном карактеру черногорског државства при Петре I* высказувається Ч. М. Лучич (Лучић Ч. М.: *Митрополит Петар Први Петровић*. Титоград, 1991. С. 151).

³⁸ В данном случае мы разделяем взгляды югославского историка Б. Петковича, считавшего, что „Черногория и в XVII веке была фактически государством, основывающимся на союзе племен, имевшем свое представительство во главе с митрополитом,

Разумеется, проводить полную аналогию между Черногорией и Древней Грецией не следует. Черногория XVIII – первой половины XIX в., несомненно, отличалась от античных обществ. Достаточно вспомнить, что наряду с патриархальными пережитками в Черногории существовали сравнительно устойчивые феодальные, а не рабовладельческие отношения. Социальные структуры в силу этого, естественно, также различались. Безусловно, существовали и многие другие различия, обусловленные, в том числе, разными временными эпохами. Вместе с тем политическая организация власти античных государств-республик и Черногории была схожа, и прежде всего это выражалось в роли народных собраний, являвшихся как в античной Греции, так и Черногории, наследием родоплеменных отношений, а также в постоянно возраставшем влиянии старейшинской верхушки на внутривнутриполитическую жизнь общества.

Если от античности обращаться к более близким временам, то, на наш взгляд, республиканское устройство Черногории, прежде всего в системе организации высшей исполнительной власти, имело определенное сходство с Новгородской раннефеодальной республикой периода XII – первой половины XIII в. Тогда городское вече играло определяющую роль в политической жизни, и новгородская община распоряжалась княжеским столом и посадничеством. В Новгороде этого периода высшие управленческие функции принадлежали избираемому вече владыке (финансы, внешняя политика, суд и пр.), а гражданское лицо – посадник было лишь вторым по значению.³⁹

Оценивая республиканское устройство Черногории, следует отметить, что для Европы нового времени этот государственный строй был явлением архаичным. Республики на тех же Балканах (Дубровник, Ионическая республика) находились на гораздо более высокой ступени политической организации. Руководство Черногории, осуществляя преобразования в стране, стремилось при всесторонней поддержке России усовершенствовать и государственную систему, приспособить ее, хотя бы отчасти, к общеевропейским образцам. При этом оно хотело сохранить в преобразованном государственном устройстве традиционную для Черногории республиканскую форму правления. Если бы это совершилось, то у Черногории, при благоприятном стечении международных обстоятельств, появились бы шансы выйти на европейскую арену субъектом международных отноше-

---

☞

свои законы и своих судей; в ней были сильны традиции средневековой государственности, которые поддерживались Цетинской митрополией” (Петковић Б.: *Прилог питању турске власти над Црном Гором у XVII веку* // ИЗ. 1959. Књ. XV. Св. 2. С. 440).

³⁹ Рогов В. А.: *История государства и права России IX – начала XX веков*. М., 1995. С. 24 – 26.

ний в качестве республики, находящейся под покровительством мощной державы, какой являлась Россия.

Вполне возможно, что в глубине души Петр I испытывал желание стать правителем монархического типа. Во всяком случае, так считал его политический противник Ф. Марошевич, информировавший российский МИД в 1808 г. о стремлении митрополита стать наследным князем Черногории.⁴⁰ Однако, как показали события, нужно было еще время и дополнительные условия, как внутренние, так и внешние, для превращения страны в светскую монархию. Только при Петре II (1830-1851) республиканский строй стал с конца 30-х годов, по сути дела, ширмой абсолютистского режима, где за его формальной оболочкой скрывалась монархия. Окончательно процесс трансформации республиканского строя в монархию будет завершен в 1852 г. провозглашением Черногории княжеством.

В начале XIX в. Петр I принял решение создать в стране более совершенный государственный аппарат, чем Правительство суда черногорского и брдского, имевшее прежде всего судебные функции. На скупщине в августе 1803 г. была принята вторая часть Законника и вновь декларировано создание правительства, о чем митрополит сообщил в Петербурге. Направленный с политической миссией в Черногорию М. К. Ивелич поддержал просьбу митрополита к царю „утвердить” черногорское правительство, считая, что это укрепит в стране русское влияние.⁴¹

В начале марта 1805 г. Петр I обратился к посредничеству Ивелича для получения денежных средств от царского правительства на создание новых государственных органов и гвардии. Ежегодные расходы на государственный аппарат должны были составить сумму в 33000 руб. „Национальная гвардия” обязана была поддерживать внутренний порядок (ликвидацию кровной мести, охрану церковного имущества), проводить в жизнь правительственные и судебные постановления, охранять границу и взимать пошлины. За несение службы должно было выплачиваться соответствующее жалованье. Высшую власть представляли президент, шесть сенаторов, чрезвычайный российский советник, шесть депутатов и восемь чиновников (секретарь, казначей и др.) Чиновникам начислялось ежегодное жалованье.⁴² Осуществление этого проекта позволило бы создать более стройную, централизованную систему управления республиканского типа, стабилизировать обстановку в стране.

В это время Россия готовилась к войне с Францией и, полагая, что Балканы и Средиземноморье станут одной из арен предстоящих битв с Наполеоном, активизировала свою политику на Балканах. В связи с этим проя-

⁴⁰ *Црногорско-руски односи...* С. 138.

⁴¹ Достян И. С.: *Проблемы государственной организации...* С. 13-14.

⁴² Хитрова Н. И.: *Из истории...* С. 323-324.

влялась и заинтересованность в укреплении Черногорского государства, совершенствовании его государственного аппарата, модернизации военных сил. В марте 1805 г. в Черногорию прибыл русский дипломат С. А. Санковский. В инструкции, полученной им от Чарторыйского, говорилось: „Для нас очень важно иметь точное и определенное представление о форме правительства, созданного митрополитом, числе судей, его составляющих; знать, является ли это правительство постоянным или временным, какова широта его власти и степень влияния в нем этого прелата (Петра I. – Ю. А.). Вы собираете об этом все свидетельства, которые сможете добыть, и уведомите нас также, принимает ли народ какое-либо участие в решениях, исходящих от правительства, и насколько существующее правительство обещает быть прочным. Может быть, чтобы его сделать таковым, нужно было бы основать постоянное управление и составить его, например, из 12 членов во главе с управителем, которым, по-нашему мнению, было бы возможным ассигновать содержание”.⁴³

На Санковского, помимо других поручений, возлагалась задача окончательно уладить русско-черногорские взаимоотношения, временно обострившиеся из-за попытки Петра I вступить в контакты с Францией. С. А. Санковский доставил в Черногорию грамоту Александра I и 3 тыс. дукатов золотом. Ему довольно быстро удалось завоевать доверие и расположение черногорского митрополита. С целью изучения обстановки в стране русский дипломат совершил вместе с митрополитом поездку по Черногории, проявив себя при этом не как сторонний наблюдатель, а как самый деятельный помощник Петра I. Он оказал всемерное содействие митрополиту, пресекавшему междоусобицы среди черногорских племен.

Санковский проанализировал деятельность черногорского правительства, подчеркнул его заслуги в борьбе с сепаратистскими тенденциями отдельных старейшин. В письме к А. А. Чарторыйскому от 4/16 июня 1805 г., рассказывая об одном таком конкретном случае, он отмечал, что „правительство, имея доверенность и уважение к себе народа, имело также власть осудить и приказать дом сего главаря разорить, запрещая, чтоб никогда более не был бы оный построен вновь”.⁴⁴ Санковский заключал, однако, что черногорское правительство утрачивало свою власть. Его 50 членов-судей, не получая платы за службу и не будучи в состоянии себя содержать, стали расходиться по домам или брать взятки с „челобитствующих”. Видя свою задачу в том, чтобы „приложить старание дабы возможно было учредить на Черной Горе постоянное правление, сходственно с правами, обычаями и нравами сего наро-

⁴³ Достян И. С.: *Проблемы государственной организации...* С. 14-15.

⁴⁴ С. А. Санковский – А. А. Чарторыйскому, 4/16 июня 1805 г. // Там же. Л. об.

да...”,⁴⁵ русский дипломат принял активное участие в составлении проекта совершенствования государственного строя в Черногории.

Проект планируемого государственного устройства страны (перекликавшегося с проектом 1798 г.), подписанный митрополитом, губернатором В. Радоничем и пятью сердарами нахий, а также проект организации черногорского правительства были направлены Санковским в Петербург в октябре 1805 г.⁴⁶ Содержание этих документов позволяет судить о тех идеях и намерениях, которые в конце XVIII в. и в первые годы XIX в. созрели у Петра I и его соратников в отношении дальнейшего развития государственного строя в Черногории.

Высшим органом государства в указанном проекте объявлялась народная скупщина (по терминологии Санковского – генеральный сейм): „Народ черногорский и брдский будет пользоваться во всем своем пространстве прежними правами. Собран на сейме, он будет иметь верховную власть, состоящую в утверждении новых законов, в выборе непременных своих начальников, как то: митрополита, губернатора, сердарей и воевод, которые, однако ж, должны повиноваться правительству и иметь от него ограниченную власть...”. Народной скупщине принадлежит право „поставить налоги”, принимать грамоты от государей „в присутствии правительства и чрез митрополита и губернатора”, объявлять войну „с согласием своего высочайшего покровителя”, участвовать в войне на стороне России, „посылая своих людей сражаться везде с неприятелем”. Закреплялся принцип равногo участия в исполнении верховной власти депутатов каждой нахии. Правительству вменялось в обязанность „учредить законный порядок, каким образом генеральный сейм должен собираться и сколько именно депутатов каждая княжина (племя – Ю. А.) должна на оный послать”.

Исполнительная власть возлагалась на правительство – Сенат. Он состоял из Сената старших, которому принадлежала административная власть, и Сената младших, имевшего судебные функции. Тем самым делался шаг к разделению этих сфер деятельности.

Правительство должно было возглавляться двумя президентами – митрополитом и губернатором, а их преемники – утверждаться народной скупщиной. Характерно, что власть президента-митрополита по проекту была несколько шире, чем президента-губернатора. Митрополит имел единоличное право созвать народную скупщину, приостановить исполнение смертного приговора, он обладал в правительстве правом лишнего голоса. Провозглашалось отделение духовной власти митрополита от светской.

---

⁴⁵ Достян И. С.: *Описание Черногории начала XIX века в донесениях С. А. Санковского* // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 305, 321.

⁴⁶ См. текст проекта: Достян И. С.: *Проблемы государственной организации...* С. 29-39. Далее цитируем по этой публикации.

Предполагалось, что, пока Черногория не имеет собственных доходов, ее правительственные учреждения будут содержаться на средства России, которая пришлет и отряд своих войск. Все это способствовало бы международному признанию покровительства России, утвердило бы „власть народную и правительства”. В проекте упоминалось также о чиновниках в нахиях, назначаемых правительством и ему подчиненных, а в донесениях Санковского указывалось на необходимость учредить местные органы власти – „трибуналы”.⁴⁷

Таким образом, проект предусматривал создание в стране стройной системы управления, демократический характер которой выражался в широких правах народной скупщины как верховного органа власти, в постоянной смене членов Сената и его ответственности перед скупщиной. Авторы этой своеобразной конституции учитывали специфику общественно-экономического и политического положения Черногории. Патриархальные обычаи не подвергались коренной ломке, а приспособлялись к новым условиям. Проект сочетал опыт и планы митрополита и его окружения в отношении государственной организации страны и взгляды на эту проблему Санковского, старавшегося учесть интересы России. Черногория, получив международное признание своей самостоятельности, попадала в сильную политическую и экономическую зависимость от русского правительства. Имея свой кодекс законов и утвержденную царем конституцию, эта маленькая славянская республика с сильной центральной властью, с сохранявшейся главенствующей ролью народной скупщины могла стать образцом для других балканских народов. Но осуществить такую задачу черногорцы могли лишь при самой активной политической и материальной помощи России. В бурную эпоху наполеоновских войн, когда международная обстановка в Европе принимала совершенно неожиданные повороты, такая помощь не могла быть предоставлена, замыслы государственных преобразований в Черногории остались неосуществленными. Но идеи, заложенные в конституционных проектах 1798-1805 гг., не были забыты. Они оказали известное влияние на процесс формирования государственной организации страны в 1830-е годы.

Международная обстановка в Европе в начале XIX в. неуклонно обострялась из-за нарастающей агрессивности Франции. В условиях разгоравшейся борьбы с Наполеоном в Восточном Средиземноморье и на Балканах Черногория приобретала для России все большее значение. Осенью 1805 г. в Средиземное море была направлена эскадра под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина, а в самом начале 1806 г. фактический руководитель МИДа А. А. Чарторыйский в нескольких докладных записках Алексан-

---

⁴⁷ Достян И. С.: *Описание Черногории...* С. 323.

дру I и дипломатической переписке выдвинул предложение о создании на Балканах новых государственных образований.⁴⁸ Им были сформулированы различные варианты „балканского проекта”, которые предусматривали создание самостоятельных или автономных государств при номинальном сюзеренитете Турции и реальном покровительстве России. Согласно одному из вариантов, образовывалось славянское федеративное государство из Черногории, Герцеговины, Боки Которской, Далмации и Сербии. Особое место в планах Чарторыйского отводилось Черногории: „Черногория становится средоточием наших действий; и, кажется, нам не найти лучшего места, в виду как географического положения этой страны, так и настроения митрополита с его заметным влиянием на все эти соседние народы”.

Для осуществления этих далеко идущих планов было необходимо заручиться поддержкой либо Англии, либо Франции. Однако попытки русских дипломатов весной 1806 г. начать переговоры по этой проблеме с Лондоном и Парижем не имели успеха, поскольку Англия и Франция не были заинтересованы в усилении русского влияния на Балканах.

Петр I поддерживал тесные контакты с Д. Н. Сенявиным, С. А. Санковским, и поэтому много знал об этих внешнеполитических проектах. Выступая как поборник югославянского единства, весной 1807 года Петр I обратился к российскому руководству с планом создания „Славено-Сербского царства”. Согласно проекту, к Черногории должны были быть присоединены Подгорица, Спуж, Жабляк, Бока Которская, Герцеговина, Дубровник и Далмация. Это обширное государство должно было находиться под верховной властью царя, в связи с чем и предполагалось назвать планируемое государство „царством”. Однако управляться оно должно было президентом из „природных россиян”, а вице-президентом предполагалось назначить митрополита Петра I. Таким образом, государство замышлялось как республика, что соответствовало ментальности черногорцев. „Народы сии, – говорилось в заключении, – желают сохранить на вечные времена свою веру и вольность под покровительством российского престола”.⁴⁹

Объединение этих югославянских земель в единое государство Петр I связывал с результативной борьбой против наполеоновской Франции и осуществлением успешного совместного антиосманского вооруженного выступления югославянских народов. Начавшаяся русско-турецкая война 1806 – 1812 гг. усилила надежды на реализацию этих обширных планов. Пребывание русской эскадры в Адриатике и тесные военно-политические контакты, установившиеся с черногорцами, а также сочувственное отношение к планам митрополита Д. Н. Сенявина поддерживали эти надежды. Хо-

---

⁴⁸ См. об этом: Записки А. Чарторыйского от 11/23 февр. 1806 г. // Сборник Русско-го исторического общества (далее: Сборник РИО). СПб., 1892. Т. 82. С. 244 – 278.

⁴⁹ Доклад А. Я. Будберга, начало мая 1807 г. // Сборник РИО. 1893. Т. 88. С. 42.

тя, на наш взгляд, данный проект реализовать было крайне сложно даже при самом благоприятном стечении внешнеполитических обстоятельств. Если объединение Черногории с Боккой Которской могло пройти сравнительно безболезненно, поскольку в Боке явно преобладало православное население, желавшее соединиться с Черногорией, то совершенно иначе выглядела ситуация с присоединением других земель. При объединении Черногории с турецкими владениями встал бы вопрос о переселении значительной части мусульманского населения этих областей в другие места Османской империи, поскольку, в противном случае, неизбежны были острейшие конфликтные ситуации. Полное же сокрушение Османской империи, несмотря на наличие радикальных взглядов части российского руководства, не входило в планы российского двора, до и международная обстановка не давала каких-либо реальных шансов на это. Еще менее перспективным представляется включение Дубровницкой республики в планируемое государственное образование. В этом случае, если даже не принимать во внимание религиозные различия и недавнее военное противостояние, когда в 1806 году русско-черногорско-бокельские войска осаждали Дубровник, безусловно, дало бы себя знать резкое отличие социально-экономических структур Черногории и Дубровника. Доминанта черногорского начала в объединенном государстве привела бы к серьезнейшим конфликтам, возможно, непреодолимым мирным путем, на почве различных подходов к пониманию проблем построения экономической жизни общества среди основной массы черногорцев и дубровчан. Рассчитывать же на готовность Дубровника пойти на жертвы ради югославянского единства не приходилось.

Весной 1807 г. посланец митрополита архимандрит Симеон Ивкович представил проект Петра I новому министру иностранных дел А. Я. Будбергу, но он, хотя и в самой благожелательной форме, был отклонен. Вместе с тем Будберг обнадеживал митрополита, что в случае успеха России в войне с Наполеоном, при решении общеевропейских дел одной из главных забот Александра I будет благоденствие черногорцев и соседних с ними народов и установление их „жребия, ...колько то можно, согласно с их общим желанием”.⁵⁰ Одновременно министр предупредил Санковского, что впредь подобные инициативы со стороны Черногории должны им отклоняться для последующего согласования их с МИДом.⁵¹ Таким образом, попытка Петра I воспользоваться благоприятной международной ситуацией для расширения территории Черногории и получения выхода к Адриатике закончилась безрезультатно.

---

⁵⁰ На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII в. – начало XX в. М., 1997. С. 78.

⁵¹ А. Я. Будберг – С. А. Санковскому, 11/23 мая 1807 г. // АВПРИ. Ф. ГА. I-5. Оп. 4. 1805 – 1821 гг. Д. 1. П. 4. Л. 444.

После заключения в 1807 г. Тильзитского мира к Франции отошла Бока Которская, на которую претендовала Черногория, и это отрицательно сказалось на русско-черногорских отношениях. Русская военно-морская эскадра покинула Средиземное море. Европейские дела складывались для России таким образом, что балканские проблемы отступили на второй план. Тильзитский мир и уход эскадры Сенявина оборвали тесные военно-политические отношения между Черногорией и Россией. Планы создания обширной славянской республики, о которой мечтал Петр I и его сподвижники, также не были реализованы.

В октябре 1813 г. черногорцы и бокельцы при поддержке британского флота освободили территорию Боки Которской. На состоявшейся 29 октября 1813 г. в Доброте скупщине представители Черногории, Будвы, Папштровичей и Боки Которской объявили об объединении этих земель с Черногорией. Вскоре было сформировано Вече из 41 члена и временное правительство (Центральная комиссия) из 9 представителей Черногории и 9 представителей приморских общин.⁵² Оба этих представительных органа нового государственного образования, являвшегося по сути республиканским, возглавил как президент (председник) митрополит Петр I. Однако его деятельность на этом посту продолжалась недолго: по достигнутым ранее соглашениям союзников по антинаполеоновской коалиции Бока Которская, как и другие приморские территории, отошли к Австрии.

В российской и югославской историографии как ранее, так и сейчас существуют различные оценки отказа Александра I признать объединение Черногории с Приморьем в единое государство. П. А. Ровинский видел в этом непоследовательность и бесхарактерность русского правительства.⁵³ Й. Бойович считает этот акт „огромной исторической несправедливостью”.⁵⁴ В этом с ним можно согласиться. В. Джорджевич полагал, что победителю Наполеона Александру I хватило бы „одного слова”, чтобы объединить Боку Которскую с Черногорией и создать независимое государство.⁵⁵ Аналогичных взглядов придерживался и Д. Вуксан, считавший, что „одного росчерка пера” Александра I было бы достаточно для объединения Боки и Черногории и тем самым выхода последней к морю.⁵⁶ Подобные варианты не следует абсолютно игнорировать, как гипотетические они име-

---

⁵² Бојовић Ј. Р.: *Историјски оквири уједињења Црне Горе, Папштровића, Будве и Боке Которске 1813. године // Уједињење Црне Горе и Боке Которске 1813-1814. године*. Титоград, 1991. С. 17-25.

⁵³ Ровинский П. А.: *Отношения между Россией и Черногорией при владыках*. // *Журнал министра народного просвещения*. 1885. Ч. ССXXXIX. С. 225.

⁵⁴ Бойович Й. Р.: *Россия и Черногория...* С. 48.

⁵⁵ Ђорђевић В.: *Црна Гора и Аустрија. 1814-1894*. Београд, 1924. С. 4.

⁵⁶ Вуксан Д.: *Петар I Петровић Његош...* С. 246.

ют право на существование. Возможно, но лишь сугубо теоретически, предположить, что Россия, пойдя на какие-либо территориальные компромиссы с Австрией в другой части Европы, в конкретных условиях 1814-1815 гг. сумела бы отстоять интересы Черногории. Так, во всяком случае, полагали некоторые лица из окружения черногорского митрополита. Свидетельством тому служит проект создания славяно-сербского государства, предложенный в феврале 1814 г. на рассмотрение министра иностранных дел Н. П. Румянцева бывшим секретарем Петра I Д. Владевичем. Этот „прожектор” (как его именовал сам Владевич) предполагал закрепить за Россией Далмацию, Дубровник, Боку Которскую, Ионические острова, а также Галицию и Буковину. В качестве компенсации Владевич предлагал расширить австрийские владения за счет Венеции и Нидерландов, а в германских землях присоединить к Австрии „какую-нибудь Швабию”. Кроме того, по мнению Владевича, „за истребление сербов” Россия имела право принять под свое покровительство Сербию, Болгарию и Северную Албанию.⁵⁷ Разумеется, в такой фантастической комбинации и Черногория могла извлечь для себя пользу, заполучив не только Которскую область, но и Дубровник, что входило в планы Петра I.

Подобные наивные „прожекторы”, нацеленные на то, чтобы перекроить значительную часть Европы, строились на представлении о безграничных возможностях России – победительницы Наполеона. Они не могли всерьез восприниматься русским правительством и самим Александром I.

Безусловно, гораздо менее масштабное государственное образование Боки Которской с Черногорией под русским покровительством давало России возможность создать мощный военный форпост на Адриатическом побережье, где Которский залив мог служить идеальным пристанищем для российского флота. Все это было проверено на практике еще в 1806-1807 гг. во время пребывания эскадры Д. Н. Сенявина на Адриатике, когда зародилось прямое боевое содружество черногорцев и русских.

Вместе с тем в Петербурге не могли не осознавать и тех больших отрицательных последствий для России, которые неизбежно проявились бы в случае реализации этого плана. В первую очередь, несомненно, ухудшились бы русско-австрийские отношения. Австрия вынужденно терпела русское влияние в изолированной от моря Черногории, согласилась под давлением обстоятельств терпеть присутствие русских войск и флота на Адриатике в 1806-1807 гг. Однако в новых условиях посленаполеоновской Европы подобная ситуация становилась для венского двора неприемлемой. У Австрии было достаточно сил воспротивиться русскому проникновению в этот регион. Поскольку после победы над Наполеоном Австрия не только

---

⁵⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. С. 81-82.

сохранила, но и усилила свои позиции в Центральной и Южной Европе, к тому же за ее спиной стояла Англия.

Британия, чей флот безраздельно господствовал в Средиземном море, также не собиралась уступать или делиться с кем-либо своим преобладанием в Средиземноморье. Наоборот, Венский конгресс отдал под протекторат Британии Ионические острова, бывшие опорной базой русского флота, и правительство России под давлением обстоятельств пошло на это.

Объединение Черногории с Бокой Которской создало бы обостренную ситуацию и в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство никогда не признавало независимости Черногории и лишь вынужденно терпело фактическое покровительство России над ней. Расширение границ Черногории к морю делало этого естественного врага Порты соседом в турецких приморских владениях. Порта, даже в силу необходимости сохранения международного престижа, могла предъявить свои претензии на новое государственное образование. Как следствие всего этого здесь мог возникнуть сложный клубок русско-австрийско-турецких противоречий, распутать который вряд ли было возможно средствами одной дипломатии.

Возможность возникновения подобного рода ситуации понимали в западноевропейских столицах. Поэтому не только Англия и Австрия, но даже побежденная Франция еще до начала работы Венского конгресса настроились решительно добиваться международного признания статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке, рассчитывая тем самым сковать на ближайшее время возможную активность России в этом регионе. Таким образом, то, что было возможным в годы борьбы против общего врага Наполеона, становилось неприемлемым в годы мира. Западные державы не были намерены возвращать России утраченные ею военно-морские базы в Средиземноморье. Не имея же их, Россия, даже если бы и пожелала, не могла оказать помощь Черногории в удержании Боки Которской.

В судьбе Боки Которской нашло отражение соотношение сил великих держав в их борьбе за преобладание в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье. Кроме того, принципы легитимизма и баланса сил в Европе, провозглашенные победителями Наполеона, позволяли западным державам сдерживать Россию в ее попытках укрепиться в этих регионах. Идеология Священного союза вступала в противоречие с интересами европейских народов, боровшихся за свое национальное освобождение, создание самостоятельных государств, возвращение некогда утраченных территорий. Правительство Александра I вместе с другими европейскими кабинетами несло ответственность за проведение такой политики.

После окончания наполеоновских войн экономическое и внутривнутриполитическое положение Черногории было очень тяжелым. Петр I не оставлял попыток получить помощь правительства Александра I в деле совершенствования государственного устройства Черногории. Так, в 1815 г. через Дж.

Радоница, сопровождавшего партию черногорских переселенцев в Россию, была высказана просьба оказать финансовую помощь для реализации республиканского проекта государственного устройства Черногории, разработанного еще в 1805 г. при участии С. А. Санковского. Это обращение осталось без ответа. Российское правительство, соблюдая верность принципам Священного союза, проявляло осторожность в политических отношениях с Черногорией, но разрывать их полностью оно не было намерено. Не желая осложнять отношения с Турцией и Австрией, царское правительство воздерживалось от прямой помощи черногорцам, вынуждено было отказываться во многих их просьбах. Вместе с тем в 1817 г. Петру I была назначена личная ежегодная пенсия в 300 дукатов. Не прерывались церковные контакты по линии Синода. Так, в феврале 1816 г. митрополит обратился с просьбой о выдаче денег на Цетинский монастырь из „палестинских сумм” Синода за прошедшие десять лет и на последующие шесть лет, и его просьба была удовлетворена.⁵⁸

Однако на межгосударственном уровне отношения складывались не лучшим образом для Черногории. Безуспешность усилий восстановить ту систему отношений с правительством Александра I, которая существовала до Тильзитского мира, побудила митрополита обратиться за поддержкой к европейским державам. Он направил европейским монархам, собравшимся в 1822 году на Веронский конгресс, обращение, в котором уверял их в лояльности и расположенности к ним своего народа и просил монархов принять Черногорию под их совместную защиту и покровительство, а также добивался содействия в просвещении его родины, утверждения здесь европейских законов и обычаев.⁵⁹ Однако это обращение было оставлено Европой без внимания. Эта демонстративная акция, предпринятая Петром I, не привела к внешнеполитической переориентации страны. Вместе с тем она свидетельствовала об определенном падении русского влияния в Черногории, и не по вине руководства этой страны.

Между тем внутреннее положение Черногории лишь ухудшалось, вновь ожили племенные междоусобицы и кровная вражда, усугублявшиеся повсеместным голодом. На эти беды и „пагубное безначалие” жаловался в Петербург дряхлеющий митрополит, осознававший свое бессилие перед многочисленными проблемами, стоящими перед страной.⁶⁰ Свои надежды в

⁵⁸ РГИА. Ф. 796. 1830 г. Оп. III. Ед. хр. 22. Л. 4-5; Там же. Ф. 797. 1816 г. Оп. 2. Ед. хр. 5183. Л. 20.

⁵⁹ Милович J. M.: *Петар I Петровић Његош. Писма и друга документа. 1821-1830*. Књ. 2. Титоград, 1988. С. 76.

⁶⁰ Петр I Негош – А. Н. Голицину, 26 июня/8 июля 1824 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1824 г. Д. 631. Л. 7-10; Милович J. M.: *Петар I Петровић Његош. Писма...* Књ. 2. С. 695-700.

деле государственного реформирования митрополит возлагал не только на внутренние консолидирующие силы, но и вновь на русское правительство, пытаясь при этом использовать живших постоянно в России черногорцев И. Вукотича и М. Вучичевича. В 1825 г. в российский МИД была представлена „Записка о настоящем положении черногорского митрополита Петра Петровича и управляемого им черногорского и брдского народа”.⁶¹ Содержание записки подробно изложено Б. Павичевичем. В ней излагались как собственные мысли Вукотича относительно задач преобразования общественно-политического устройства страны, так и взгляды на эту проблему митрополита. Для установления твердого порядка в Черногории, говорилось в „Записке”, требовалось „дать народу гражданское управление”, позаботиться о его просвещении. Все нововведения должны делаться с возможным уважением к местным обычаям, а учредительная инициатива должна принадлежать „не посторонним, но соотечественникам” или тем лицам, коих они сами пожелают избрать. Таким образом, черногорцы отходили от идеи привлекать к государственным преобразованиям чиновников из „природных россиян”, о чем ранее неоднократно просили. Необходимость совершенствования аппарата управления требовала, по мнению Вукотича, принятия мер, направленных на развитие экономики и торговли. Следовало также „завести капитал общественных доходов”, ремесленные училища и фабрики. Но важнее всего – расширить государственную территорию, получить выход к морю. Поэтому во внешнеполитическом плане ставилась задача овладения портом Антивари (Баром), через который можно было бы вести торговлю. Вукотич считал также необходимым провести военную реформу и обучать военному делу детей „поглаварей”, завести регулярную пограничную стражу, дозорные объезды и т. п., открыть „первоначальное училище” при Цетинской митрополии. Для осуществления этих масштабных преобразований от русского двора требовалось предоставление Черногории единовременного беспроцентного займа в размере 10 тыс. червонцев, а в течение последующих 10 лет – 5 тыс. червонцев.

В августе 1825 г. о просьбах митрополита было доложено Александру I, и он распорядился возобновить выдачу Черногории государственной субсидии в размере прежней суммы, т. е. 1 тыс. червонных ежегодно, которая в дальнейшем вместе с личной пенсией митрополита регулярно получалась

---

⁶¹ АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1823. Д. 680. Л. 4-9 об.; Павићевић Б.: *Припреме...* С. 93-95. Б. Павичевич ошибочно считает 1823 год временем подачи „Записки” в МИД, что установлено В. М. Хевролиной (Хевролина В. М.: *Из истории русско-черногорских отношений в 1813-1833 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Материалы международной научной конференции.* М., 1992. Ч. I. С. 94-95).

Петром I через консула в Дубровнике Й. Гагича. Другие просьбы митрополита остались без ответа.

Таким образом, многолетние ходатайства черногорского руководства перед петербургским двором увенчались частичным, но важным для страны успехом. Восстановление субсидии со стороны России позволило, хотя и не в должной мере, реанимировать ослабевшую деятельность черногорского правительства и судебных органов, которые во второй половине 20-х годов функционировали, руководствуясь законодательством 1798-1803 гг. Разумеется, этот шаг царя навстречу пожеланиям Черногории объясняется не каким-либо его особым расположением к черногорцам, а общим изменением курса внешней политики России на Балканах. Александр I после безрезультатных переговоров по урегулированию греко-турецкого конфликта с Австрией, Францией и Пруссией в августе 1825 г. окончательно решил действовать единолично в отношении Турции. Это решение царя наносило сильнейший удар по устоям Священного союза. Убедившись в провале курса на умиротворение Турции, Александр I намечал вступление России в войну с ней на весну 1826 г. Но его смерть в ноябре 1825 г., последовавшее затем междуцарствие и восстание декабристов, наконец, воцарение Николая I, которому еще предстояло определить свое отношение ко многим проблемам империи, – все это на два года отодвинуло войну России с Турцией.

Начало русско-турецкой войны 1828-1829 гг. оживило надежды черногорцев на получение поддержки со стороны России для решения их внутренних и внешних проблем. Весной 1828 г. митрополит направил в Петербург черногорского родственника И. Вукотича Матия Вучичевича с письмами царю и некоторым русским сановникам. В них содержалась просьба об „открытом покровительстве” России Черногории, предоставлении ей необходимых средств для содержания правительства и заведения училищ и пр.⁶²

В письме Николаю I от 20 июля 1829 г., пересланном через того же М. Вучичевича, Петр I просил прислать в Черногорию небольшое количество русских войск для борьбы с турками. В случае же заключения мира он хотел с помощью России добиться присоединения к Черногории порта на Адриатике (Бара) и территории бывшей Зеты. Тогда, по мнению митрополита, в стране можно было бы „установить правительство” и обеспечить безопасность территории. Петр I просил удовлетворить его просьбы хотя бы частично. В противном случае он просил у царя разрешения черногорцам переселиться в Россию.⁶³ Его письмо попало в МИД, когда Адрианопольский мир был уже подписан, а в октябре 1829 г. Николай I наложил отрицательную резолюцию на прошение митрополита.

⁶² Павићевић Б.: *Припреме...* С. 545 – 547.

⁶³ Петр I Негош – Николаю I, 20 июля/3 авг. 1829 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1829 г. Д.686. Л.8 об.

Причины отказа русского правительства объяснялись, на наш взгляд, следующими обстоятельствами. Россия традиционно, как единственная великая православная держава, покровительствовала всему православному населению Османской империи, и это служило идеологическим обоснованием ее восточной политики. Право подобного покровительства российская дипломатия выводила из 7 статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по которому турецкое правительство обязывалось обеспечить „твердую защиту христианскому закону и церквам оногo”.⁶⁴ Договор практически защищал права христианских подданных Турции, причем эта защита фиксировалась в международно-правовой форме. Однако договор допускал не прямое покровительство России, а лишь опосредствованное, через Порту, воздействуя на турецкое правительство. В связи с этим в русско-турецких официальных соглашениях нигде не употреблялся термин „покровительство”.⁶⁵ Поэтому просьбы Черногории об „открытом покровительстве” игнорировались русским двором и дипломатией.

Черногория в силу своей фактической независимости находилась в системе российско-турецких отношений в более сложном положении, чем, например, те же Сербия или Дунайские княжества. Согласно статье 16 Кючук-Кайнарджийского мира российские дипломаты „могли говорить в пользу” Дунайских княжеств. Правам России в Сербии также отводилось место в Бухарестском договоре 1812 г. Но разговор мог идти только о подданных султана, а черногорцев русское правительство таковыми не считало, как, впрочем, и сами черногорцы. Безоговорочно диктовать свои условия Турции Россия в то время не могла. Османская империя была суверенным государством, ревниво и болезненно воспринимавшим любые попытки вмешательства в ее внутренние дела, к которым она относилась и все то, что связано с Черногорией.

Правительство Николая I не желало обострять отношения с Турцией ради увеличения территории Черногории. Однако при русском дворе учитывали сложность обстановки внутри Черногории и вокруг нее. Сербии и Дунайским княжествам отводилась более заметная роль в балканской политике России, нежели Черногории, но и она никогда не сбрасывалась полностью со счетов. К этому, вольно или невольно, обязывало царское правительство и предыдущая история русско-черногорских отношений, где Черногория выступала как верный союзник России. Российский дипломат, публицист и историк С. С. Татищев, проследившая основные этапы истории русско-черногорских отношений, справедливо отмечал: „В ряду балканских народов, связан-

---

⁶⁴ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. (Его подготовка и заключение). М., 1955. С. 352.

⁶⁵ Виноградов В. Н.: *Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны*. М., 1985. С. 230.

ных с Россией единством не только веры, но и племени, и узами глубокой, искренней, вековой привязанности, первое место занимают, бесспорно, черногорцы”.⁶⁶ Принималось во внимание в правящих кругах России и то влияние, которое оказывала Черногория на сопредельные балканские народы.

В связи с этим русское правительство решило предпринять определенные меры, рассчитанные на оказание помощи Черногории. Когда в начале мая 1830 г. М. Вучичевич отбыл на родину, он отвозил с собой письмо вице-канцлера к митрополиту, содержащее информацию о приглашении царем в Петербург проживавшего в России и уже известного в правительственных кругах И. Вукотича для „изыскания с ним наилучших средств в пользу черногорского народа”.⁶⁷

Однако узнать об этом черногорскому владыке не довелось 18/31 октября 1830 г. выдающийся политический и религиозный деятель Черногории Петр I Петрович-Негош скончался.

Во время нахождения у власти Петр I и его соратники пытались решить две важнейшие задачи: во-первых, упрочить международное положение Черногории, добиться расширения ее территории и получения выхода к морю; во-вторых, создать в стране централизованные органы управления и суда. Если первый комплекс задач был решен лишь частично, путем присоединения ряда племен Брды к Черногории (1796, 1820 гг.), то в решении второго из них был сделан значительный шаг вперед: созданное Правительство суда черногорского и брдского, опираясь на кодекс государственных законов, действовало в направлении централизации власти. Предпринимались также меры для создания Сената как высшего органа исполнительной и судебной власти, обладающего правом законодательной инициативы и предназначенного для модернизации государственного строя Черногории в республиканском направлении. Но на пути создания центральных органов управления стояли серьезные препятствия: патриархальные обычаи, племенной сепаратизм, недостаточность финансовых средств. Проекты создания более совершенного правительства на республиканской основе также не были проведены в жизнь.

Тем не менее, неутомимая и последовательная деятельность Петра I Петровича-Негоша по укреплению Черногорского государства подготовила почву для создания центральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Более благоприятно стала складываться и международная обстановка в связи с тем, что повысился интерес правительства Николая I к черногорским делам. Но Черногории предстояло еще пройти долгий и тяжелый путь борьбы за разрешение своих насущных внутри – и внешнеполитических задач.

---

⁶⁶ Татищев С. С.: *Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху севастопольской войны.* СПб., 1887. С. 309.

⁶⁷ Хевролина В. М.: *Из истории...* С. 98.

Yuri P. ANSHAKOV

BISHOP PETAR I PETROVIC NJEGOS AND THE CONSTITUTION
OF THE STATE OF MONTENEGRO

ABSTRACT

The author concentrates on the main stages of the activities of Petar I Petrovic Njegos, namely, on his contribution to the formation of the centralized state of Montenegro and the setting up of Montenegrin government system and code of law.

Special attention is paid to the analysis of „Zakonik opsti crnogorski i brdski” of 1798-1803, to the plans of Petar I and his supporters to modernize the state structure of Montenegro and to extend its territory with the help of Russia.

While tackling these issues, the author examines the peculiarities of Montenegrin state organization, its social life and home affairs, as well as international status and the role of Montenegro in the movement for liberation on the Balkans.

Ю. П. АНШАКОВ

МИТРОПОЛИТ ПЕТР I ПЕТРОВИЧ-НЕГОШ И СТАНОВЛЕНИЕ
ЧЕРНОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Резюме

В докладе рассматриваются основные этапы государственной деятельности Петра I Петровича-Негоша, его вклад в становление централизованного государства в Черногории, формирование аппарата по управлению страной, законодательство. Особое внимание уделяется анализу такого памятника черногорского права как „Законник общий черногорский и брдский” 1798-1803 гг., планам Петра I Петровича-Негоша и его окружения, направленным на модернизацию государственного строя Черногории и расширение ее территории с помощью России. Анализируя эти проблемы, автор обращает внимание на специфику государственного строя Черногории, внутривластную жизнь черногорского общества, международное положение Черногории, ее место и роль в освободительном движении на Балканах.

